

5. Речь Гиммлера перед офицерами СС. 4 октября 1943 г. Познать. URL: http://new-history.narod.ru /blank_page_25.htm.
6. Там же. Документ 1919 P. S. 7. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. М., 1968. С. 37.
8. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов: в 3 т. Т. 2. М., 1966. С. 164.
9. Инструкция уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Бакке о поведении должностных лиц на территории СССР, намеренной к оккупации. 1 июня 1941 г. // Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 3-е изд. М.: Экономика, 1985. С. 33.
10. Document 1919-PS: Speech by Himmler on the occasion of the SS Group leader meeting Posen, 4 October 1943 // Trial of the Major War Criminals before The International Military Tribunal. Vol. XXIX. Nürnberg, 1948. P. 118.
11. Document 1919-PS: Speech by Himmler on the occasion of the SS Group leader meeting Posen, 4 October 1943. P. 118.
12. „Der Reichsführer SS zu den Ersatzmannschaften für die Kampfgruppe „Nord“ am Sonntag dem 13. Juli 1941, in Stettin“. Geheim. RFSS/T-175, 109/2632686 ff. Цит. по: Stein H. George. The Waffen SS: Hitler's Elite Guard at War, 1939–1945. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 1984. P. 126–127.
13. Немецкий текст: Himmler Heinrich. Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprachen / Hrsg. von Bradley F. Smith und Agnes Peterson. Frankfurt a. M.; Berlin; Wien: Propyläen-Verlag, 1974. S. 185.
14. Немецкий текст: Document 1919-PS: Speech by Himmler on the occasion of the SS Group leader meeting Posen, 4 October 1943. P. 118.
15. Загоруйко М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург». М.: Экономика, 1980.
16. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). М.: Воениздат, 1974.
17. Малышева Е. М. Российская нефть и нефтяники в годы Великой Отечественной войны // Экономический журнал. 2008. №4 (14). URL: http://economicarggu.ru/2008_4/10.shtml
18. Малышева Е. М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Майкоп, 2000. С. 287.
19. Розенберг – один из старейших последователей Гитлера и идеолог внешнеполитического ведомства фашистской партии Германии с 1933 г. На базе этого ведомства в апреле 1941 г. была создана специальная служба по разработке вопросов восточноевропейского пространства, которая затем была преобразована в имперское министерство оккупированных восточных областей (см. в кн.: Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 78).
20. Lukacs, John. Introduction to Mein Kampf by Adolf Hitler. Houghton Mifflin Books, 1998. (В 1945 г. Розенберг по приговору Нюрнбергского трибунала был казнен как один из главных военных преступников.)
21. Приговор Нюрнбергского трибунала (документ 1058 P.S.). URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=6256&Itemid=36
22. Пленков О. Ю. Тайны Третьего рейха. Гибель вермахта. М., 2009. С. 206.
23. Кравчук М. И., Погребинский М. Б. Проверенная войной. М., 1985. С. 83.
24. Малышева Е. М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М.: Вече, 2011. С. 63.
25. Там же. С. 270.

УДК 94(470.54)“1941/1945”:33

В. Н. Мамяченков

Великая Отечественная война и Свердловская область

В отличие от западных регионов страны Свердловская область, как и весь Урал, находилась в глубоком тылу, а поэтому не понесла прямых потерь от ведения боевых действий и оккупации. Тем не менее война проявила себя и здесь, кардинально повлияв на состояние всех отраслей экономики региона и материальные условия жизни населения. Достаточно сказать, что в годы войны Урал принял, по некоторым данным, 703 промышленных предприятия, эвакуированных из западных районов страны. В том числе в Свердловскую область было перемещено больше всего предприятий – 212, в Челябинскую – 200, в Пермскую (тогда Молотовскую) – 124¹. Правда, в литературе, посвященной эвакуации военных лет, можно встретить и другие цифры. Так, Я. Изаков утверждает, ссылаясь на материалы ГАСО, что в область было эвакуировано 473 предприятия (в том числе в Свердловск – 202), а Н. С. Симонов приводит немного другую цифру – 455 предприятий².

Вместе с предприятиями на временное проживание прибыло около 2 млн человек, в том числе в Свердловскую область – около 700 тыс.³ Именно благодаря огромному притоку эвакуированного населения в период Великой Отечественной войны процесс образования городов в регионе приобрел скачкообразный характер: за четыре военных года статус города в Свердловской области получили десять населенных пунктов⁴. Это, с одной стороны, создало громадные трудности, связанные с размещением оборудования и людей, а с другой – окончательно

превращало область в вотчину ВПК и обрекало на заведомо второстепенную роль предприятия, производящие товары широкого потребления. Непропорционально разросшийся промышленный потенциал области создал большие трудности в послевоенное время в связи с необходимостью конверсии большого количества предприятий, то есть перевода их полностью или частично на выпуск невоенной продукции.

Тем не менее промышленные отрасли экономики Свердловской области хотя и с немалыми трудностями, однобоко и неравномерно, но развивались и в годы войны, и в послевоенное время, чему в немалой мере поспособствовало перемещение на ее территорию эвакуированных предприятий (многие из них навсегда здесь и остались). Поэтому неудивительно, что уже в 1947 году производство промышленной продукции в области в разы превзошло уровень 1940 года, а предприятия Свердловска произвели продукции вчетверо больше, чем в последний предвоенный год⁵.

Что же касается сельского хозяйства, то здесь никакого роста не произошло. Наоборот – в результате войны среднегодовое сельскохозяйственное производство на Урале сократилось на 21, а в Свердловской области – на 14% (для сравнения: в Башкирии и в Оренбургской области – соответственно на 23 и 20%)⁶. В сильной степени повлияла война и на личное подсобное хозяйство (ЛПХ) крестьянства Свердловской области: на 1 января 1946 года по сравнению с 1940-м поголовье скота в ЛПХ колхозников составляло: овец и коз – 58, свиней – 30%⁷ (поголовье свиней пострадало

больше всего, так как для него требовались наиболее дефицитные в условиях войны корма – картофель и концентраты). Примечателен тот факт, что в отличие от колхозного поголовья КРС в ЛПХ населения на Урале в годы войны не только не сократилось, но даже умножилось: с 2141 в 1941 году до 2334 тыс. голов в 1945-м, в том числе коров – с 1422 до 1509 тыс. голов (крестьяне стремились всеми силами сохранить их как производителей молока – одного из основных продуктов питания⁸).

В то же время в годы войны значительно разнились ЛПХ и других категорий населения, которые сыграли, без всякого преувеличения, решающую роль в том, что 1943-й и 1944-й не стали на Урале годами массового голода. В связи с этим стоит напомнить, что, по подсчетам А. В. Бакунина и М. Н. Денисевича, в Свердловской области в 1943 году каждая из обследованных 220 семей рабочих получила из своего ЛПХ 714 кг картофеля, 269 литров молока, 40 кг капусты и других продуктов⁹. (Первые две цифры, на наш взгляд, явно завышены.)

За годы войны уменьшились и доходы крестьянских хозяйств от колхоза, так как по причине снижения валового сбора зерновых сократилась и выдача продуктов на трудодень. В Свердловской области этот показатель по зерну снизился с 1940-го по 1945 год более чем на 60%: с 1,95 до 0,76 кг¹⁰. Надо заметить, что, кроме зерна, колхозники и так почти ничего не получали в качестве натуроплаты (табл. 1). По подсчетам В. П. Мотревича, в разгар войны (в 1943 году) в Свердловской области по трудодням выдавалось лишь какое-то количество: мяса – в 2, молока – в 3, картофеля – в 7 и овощей – в 15% колхозов. В том же году в 4 колхозах области не выдавали на трудодни даже зерновые, а в 99 колхозах совсем не выдавались деньги¹¹.

Таблица 1 – Доходы колхозников Свердловской области на один трудодень в 1945 году

Год	Средняя выдача на один трудодень			
	деньгами, руб.	зерном, кг	картофелем и овощами, кг	сеном и соломой, кг
1940*	0,60	1,95	0,24	3,05
1945	0,81	0,76	0,15	1,01

* Для справки. Источник: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО-СО). Ф. 4. Оп. 53. Д. 171. Л. 50.

К концу войны состояние дел в сельском хозяйстве региона стало крайне тяжелым. Например, по итогам 1945 года средний удой на одну фуражную корову в Свердловской области составил всего лишь 869 л, урожайность большинства культур была удручающе низкой, кормов не хватало¹². На последнем обстоятельстве следует остановиться особо, так как оно, с одной стороны, отражало низкую продуктивность растениеводства, а с другой – предопределяло низкие же показатели животноводства. Хроническая нехватка кормов означала полуголодное существование скота со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Очень трудным было положение с кадрами. Массовая мобилизация мужчин на фронт привела к тому, что основной рабочей силой на селе стали женщины. Но тяжкие испытания военного времени выпали на долю не только взрослых, но и подростков – фактически еще детей. Один их тех, чье детство пришлось на военные годы, так вспоминал об этом: «Мне было четырнадцать лет, и нас, подростков, поставили на место взрослых мужиков, взятых на фронт. Каждый день мы получали задание, которое неукоснительно должны были выполнить. Иначе не будет трудодня, хотя за трудодни и нечего было по-

Таблица 2 – Среднедушевое потребление основных продуктов питания крестьянами Свердловской области в годы Великой Отечественной войны, кг/год

Виды продуктов	Год					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Хлеб и хлебобулочные изделия	243	223	176	129	114	137
Картофель	124	165	236	374	362	416
Овощи и бахчевые	38	41	56	80	81	92
Кормовые корнеплоды	0,2	0,1	0,9	3,2	4,2	1,7
Фрукты и ягоды свежие	3,9	2,7	н/св.	0,6	1,1	2,0
Сахар	2,0	1,4	0,1	0,06	0,03	0,2
Кондитерские изделия	1,2	1,2	0,02	0,02	0,01	0,07
Мясопродукты	21	17	13	12	9	11
Рыбопродукты	3,0	1,8	0,3	1,1	1,2	0,8
Молокопродукты	135	141	161	204	235	221
Яйца, шт.	81	62	51	45	26	31

Источники: Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985). Свердловск, 1991. С. 81, 176, 177; Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 178; Мотревич В. П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1837–1975). Свердловск, 1981. С. 63; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 457. Л. 63, 66, 72, 77; Д. 513. Л. 56–57, 60–61, 81–82, 85–86; Д. 514. Л. 64–65, 68–69, 82–83, 86–87; Д. 515. Л. 74, 77–78, 86–89; Д. 516. Л. 78, 81, 93, 98; Д. 517. Л. 82, 85, 91, 94.

лучать. Работали с раннего утра до позднего вечера. За тридцать километров возили зерно на приемный пункт. Таскали мешки – поджилки тряслись, ведь недоедали, силенок не было. Электричества в деревне не было, керосиновая лампа и та роскошь. Мыла не было, заедали вши. Дети в школу почти не ходили, не было обуви»¹³.

Еще труднее было малолетним воспитанникам яслей, детских садов и детских домов, расположенных в сельской местности. Ю. П. Ануриев пишет: «Взрослым в годы войны жилось тяжело, а детям вдвойне, особенно трудно было детям-сиротам в детских домах. Правда, пытались им помогать, но как помочь, если зимой 1941–1942 годов в детских садах и яслях в районе (Невьянском. – В. М.) была снижена норма картофеля до одного килограмма на ребенка в месяц, т.е. 33 г в день. Но выжили, выросли»¹⁴. К сожалению, здесь автор выдает желаемое за действительное, так как выжили далеко не все. М. Н. Денисевич в своей монографии привел страшные факты гибели детей от голода в нашей области в годы войны. Например, только в 1942 году в колхозных детских яслях умерли от голода и болезней: в Останкинском сельском совете – 30, в Коптеловском – 44, в Монастырском – 22, в Бобровском – 18 детей¹⁵.

Для иллюстрации количественного и качественного уровня питания населения области в военные годы отошлем читателя к таблице 2, в которой представлены сведения о питании в годы войны среднеуральского крестьянства – одной из самых обездоленных категорий населения. По таблице хорошо видно, что в эти годы питание крестьян (и без того небогатое) приобрело своеобразный «картофельно-молочно-овощной» характер. Чего стоит один только факт: в самые тяжелые 1943 и 1944 годы потребление кормовых корнеплодов возросло более чем на порядок (напомним, что на Урале в этом качестве чаще всего выступает турнепс).

Обычным ощущением абсолютного большинства населения страны в войну был голод. Очень хорошо об этом сказано у известного уральского писателя Н. Г. Никонова: «Иду в школу темной зимней улицей. Мне голодно и холодно... Голодно потому, что натощак поел картошки без хлеба и немного мутит от этой ранней еды, особенно когда представляю опять вареную зеленоватую, очищенную от липкой кожуры мелкую картофелину, которую даже обильное макание в сырую соль не сделало вкуснее. ...Хочу есть, хлеба хочу, черного, остистого, колючего от овса, но хлеба, досыта»¹⁶.

Конечно, справедливости ради надо сказать, что тяжкие трудности испытывало не все население. В лучшем (иногда – в значительно лучшем) положении находились граждане, работавшие, например, на военных предприятиях или в партийно-государственных учреждениях, хотя и большинству из них тоже было нелегко. И совершенно особую категорию представляли собой граждане, причастные к распределению материальных благ, прежде всего – продовольствия.

«Работать в войну в ресторане, на хлебозаводе, даже просто посудницей в столовой считалось немислимым счастьем», – так писал упомянутый нами Н. Г. Никонов. А далее он справедливо отметил: «Не все в войну бедствовали, которые и наживались»¹⁷.

В значительно лучшем положении находились руководители различных рангов. Например, в монографии Г. Е. Корнилова упоминается такой факт: «Работники аппарата (партийного и советского. – В. М.) лечились в специальных больницах, для них создавались бесплатные дома отдыха и санатории. В октябре 1944 г. Свердловский облисполком принял решение о нормах снабжения санатория «Балтым» при больнице спецназначения. На одного человека в месяц здесь выделялось 11 кг мяса и рыбы, 1,85 кг жиров, 2,1 кг сахара и кондитерских изделий, 33 кг картофеля и овощей, 7 л молока, 40 штук яиц, 4,5 кг круп, 700 г хлеба в день. Продукты питания для столовой и обкома партии доставлялись из собственного совхоза, находившегося в пригороде Свердловска»¹⁸.

Нехватка продовольствия неизбежно провоцировала его хищения. Это происходило, например, в системе облпотребсоюза: сумма выявленных там растрат в 1945 году составила 2491 тыс. руб., на 16% превысив аналогичный показатель 1944 года. Надо сказать, что рост хищений в победном, 1945-м, году произошел практически во всех звеньях торгово-распределительной системы: даже в небольшом Ирбитском торге сумма растрат за год возросла почти вдвое – с 63 до 110 тыс. руб.

Но, конечно, все воровать не могли, да и не хотели. Жители городов области, чтобы хоть как-то восполнить нехватку продуктов питания, заводили огороды (чему власти в военные годы не только не препятствовали, но даже способствовали) – за годы войны площади под ними возросли в 3,5 раза. За тот же период посевные площади в колхозах увеличились: под картофелем – на 68, а под овощами – на 112%¹⁹. Не будет преувеличением сказать, что в годы войны население Урала (да и всей страны) выжило только благодаря картофелю и овощам. Например, в общественном секторе Свердловской области их производство в 1940 году составило соответственно 50,6 и 25, а в 1945-м – уже 209 и 89,2 тыс. т, то есть возросло очень значительно – более чем в 4 и 3,5 раза соответственно²⁰.

В попытках увеличить объем производства сельскохозяйственной продукции власти обязывали крупные промышленные предприятия обзаводиться так называемыми подсобными хозяйствами – прежде всего растениеводческими и животноводческими. Но продуктивность таких хозяйств была низкой, о чем сказал однажды и сам Недосекин, партийный руководитель области: «Садят картофель 2 тонны, получают одну тонну, получают 2–3 литра молока с коровы»²¹. Например, в 1945 году в подсобных хозяйствах предприятий местной промышленности средняя урожайность картофеля и овощей была очень низкой – соответственно 38 и 61 ц с га (6800 тыс.

руб. убытка). Немногим лучше она была в хозяйствах предприятий черной металлургии – 51 и 73 ц (9392 тыс. руб. убытка). Но все рекорды неурожайности побили подсобные хозяйства продснаба Средурал-медьзавода – там получили 21 ц картофеля и 22 ц овощей (601 тыс. руб. убытка).

На фоне всего сказанного голословной представляется фраза из партийного документа послевоенного времени, в которой утверждается: «Несмотря на исключительные трудности военного времени, трудящиеся нашей области, благодаря постоянному вниманию партии и правительства, были обеспечены необходимым количеством продовольственных и промышленных товаров по твердым ценам и не испытывали серьезных трудностей в снабжении»²². На самом же деле в годы войны из-за крайне недостаточного питания по всей стране, и в Свердловской области в частности, умирали и дети, и взрослые.

Но голодными смертями дело не ограничилось: в области происходили ужасные случаи каннибализма. Впервые об этом рассказал уральский историк В. П. Мотревич, изучавший рассекреченные материалы (спецсообщения) архива УФСБ по Свердловской области. В своей работе он правомерно утверждает, что «голод и массовая дистрофия приводили к тому, что на Среднем Урале нередкими были случаи убийства детей и самоубийства... Спецсообщения содержат сведения о случаях каннибализма и трупоедства в эти годы. Вызванные голодом и выявленные органами НКВД факты людоедства местными властями всячески скрывались». Далее автор дословно приводит несколько таких спецсообщений, датированных 1943 и 1944 годами (напомним, что это были самые тяжелые годы войны в смысле обеспечения продовольствием)²³. Другим следствием плохого питания населения был очень высокий уровень детской смертности, особенно младенческой.

Впрочем, не хватало не только продуктов питания, но и обычной питьевой воды. Как отмечалось в одном из документов, «в некоторых городах трудящиеся пьют грязную воду». К таким «некоторым» относился, например, второй по величине город области – Нижний

Тагил, жители которого в военное и послевоенное время пили воду прямо из загрязненного городского пруда²⁴.

Что касается обеспечения населения непродовольственными промтоварами, то здесь положение также было тяжелым: зачастую люди нуждались в самом необходимом. Например, дети ходили в школу «...кто с драным портфелем, кто с холщовой нищенской сумкой или просто так: книжка с тетрадями втиснута за пояс. Время военное – взять негде»²⁵. Значительную часть товаров широкого потребления (ТШП) производили предприятия так называемой местной промышленности, толчок к развитию которых, как ни странно, дала война: за ее годы валовой выпуск продукции местной промышленности вырос в 3,5, а по ТШП – даже в 8 раз (с 3,8 до 31,4 млн рублей). Конечно, это не значит, что ситуация с ТШП стала лучше в 8 раз, так как в основе советской статистики был «вал», то есть общая стоимость произведенной продукции. При этом ассортименту значения не придавалось. Так, в одном из документов по итогам 1945 года отмечалось, что «не выполнены такие важнейшие позиции, как изготовление саней, бочкотары, шорных изделий, гончарной посуды»²⁶. Уже сам перечисленный ассортимент архаичен даже для своего времени. Уровень же обеспечения населения области промтоварами первой необходимости характеризует таблица 3, где приведены данные об их потреблении колхозным крестьянством – оно значительно уступало всем другим категориям населения и по этому показателю.

Необходимо сказать и о жилищных условиях населения в годы войны. Мы уже говорили о громадном наплыве эвакуантов и беженцев на Урал в 1941–1942 годах. Естественно, все это до предела обострило жилищную проблему. Надо сказать, что всего за 1941–1945 годы в области было построено 980 тыс. м² жилья²⁷. Но в основном это были либо наспех построенные бараки, либо так называемые «строения каркасно-барачного типа», годные только для минимального обустройства вновь прибывших граждан. Поэтому условия проживания населения

Таблица 3 – Среднедушевое приобретение некоторых непродовольственных промтоваров колхозниками Свердловской области в годы Великой Отечественной войны

Наименование промтоваров		Единица измерения	Год					
			1940*	1941	1942	1943	1944	1945
Ткани		м	5,2	5,8	0,7	1,0	0,6	0,9
Обувь		пар	1,1	1,1	0,5	0,6	0,6	0,6
Чулки и носки		пар	н/св	0,9	0,05	0,1	0,1	0,2
Спички		кор.	н/св	н/св	н/св	3,0	8,3	9,8
Мыло	хозяйств.	кг	0,9	0,7	0,3	0,3	0,3	0,4
	туалет.	кг	0,1	0,1	0,02	0,01	0,006	0,007
Керосин		л	2,3	1,3	0,3	0,3	0,2	0,5

* Для справки.

Источники: Мотревич В. П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма. С. 65; Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 177; ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 457. Л. 64–65, 74–75; Д. 513. Л. 58–59, 83–84; Д. 514. Л. 66–67, 84–85; Д. 515. Л. 75–77, 87, 90–91; Д. 516. Л. 79–81, 95–96, 98; Д. 517. Л. 81, 85–86, 92–94.

были тяжелыми. Так, жительница Свердловска тех лет вспоминала, что она и ее родственники «жили в старой засыпанной времянке, под полом вода, топить печь нечем... Света не было, жгли копилку, собирались утром на работу почти впотьмах»²⁸.

Война прервала всякое и без того не слишком успешное развитие жилищной инфраструктуры области. Характерный пример того времени: в письме И. Сталину в конце 1947 года руководство области как о значительном достижении сообщало, что из 36 ее городов 14 имеют канализацию, а 8 – водопровод²⁹. А на областном совещании строителей, состоявшемся в Свердловске в июне 1946 года, прямо говорилось, что «на ряде наших предприятий многие тысячи рабочих живут в общежитиях с 2-ярусной системой (то есть вынуждены спать на двухъярусных нарах. – В.М.). При норме 6 кв. м на человека в ряде городов и поселков имеется 2,5–3 кв. м на человека, а на таком крупном заводе, как Новотагильский металлургический, – 2,1 кв. м, на коксохимическом заводе – 2 кв. м, а есть еще хуже» (выделено нами. – В. М.)³⁰.

На том же совещании отмечалось, что в период войны основная масса построенного жилья носила временный характер, а между тем в области в 1947 году уже насчитывалось 33 города и 71 рабочий поселок³¹. При этом в таких крупных городах области, как Нижний Тагил, Каменск-Уральский и других, упомянутые временные строения составляли 25–30% жилого фонда. Но это средние цифры. А например, в том же Нижнем Тагиле у девяти основных предприятий жилой фонд на 51% состоял из временного жилья и только на 49% – из постоянного.

Руководители городов и районов сразу же по окончании войны стремились обратить внимание руководителей области на бедственное положение с жильем и вообще с социальной сферой. Так, секретарь Карпинского ГК ВКП(б) Лопатин докладной запиской сообщал в обком партии накануне первой годовщины Победы: «В военный период предприятия нашего города получали рабочую силу по мобилизации из различных районов Советского Союза. Так как в это время главное внимание обращалось на увеличение добычи угля и совершенно недостаточно на жилищно-бытовые условия, то ни один вопрос бытового обслуживания населения у нас в городе не решен. Не хватает жилья – сейчас у нас на двух- и трехъярусных нарах проживает до пяти тысяч рабочих, нет водопровода, разрушается хлебозавод, не построена больница». Действительно, послевоенный Карпинск представлял собой сплошное нагромождение

общежитий: их было 127, и проживало там без малого 10 тыс. человек. При этом в общежитиях, например, жилтresta в некоторых комнатах проживало по пять семей³².

Подводя итог сказанному, можно сделать однозначный вывод: в годы Великой Отечественной войны материальные интересы населения области, как и всей страны, были фактически принесены в жертву. Конечная цель такой жертвенности состояла в том, чтобы любой ценой обеспечить промышленность и действующую армию всем необходимым. В результате материальные условия жизни населения не удовлетворяли уже никаким, даже самым минимальным, нормам.

Примечания

1. Мотревич В. П. Экономическая история России. Екатеринбург, 2004. С. 404.
2. Мы приближали Победу / под ред. Н. С. Толмачевой. Екатеринбург, 2000. С. 480; Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 140.
3. Мотревич В. П. Экономическая история России. С. 406.
4. Концепция территориальной схемы градостроительного планирования и развития Свердловской области до 2040 года и задачи в XXI веке. Екатеринбург, 2004. С. 7.
5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 222. Л. 3–5.
6. Мотревич В. П. Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). Свердловск, 1991. С. 7.
7. Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 54.
8. Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985). Свердловск, 1991. С. 143.
9. Бакунин А. В., Денисевич М. Н. Развитие торговли на Урале в послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1980. С. 23.
10. Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма. С. 49.
11. Там же. С. 50.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 242. Л. 93.
13. Уральский рабочий. 2002. 23 нояб.
14. Ануриев Ю. П. Новоуральск. Годы и судьбы. Екатеринбург, 1995. С. 175.
15. Денисевич М. Н. Указ. соч. С. 83.
16. Никонов Н. Г. Дальние берега: повести. Свердловск, 1980. С. 181.
17. Там же. С. 242, 259.
18. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 180.
19. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 222. Л. 9.
20. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 135. Л. 38.
21. Там же. Л. 243.
22. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 240. Л. 42.
23. Мотревич В. П. Документы архива Управления ФСБ по Свердловской области о голоде в годы Великой Отечественной войны // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 414–422.
24. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 138. Л. 25; Д. 235. Л. 245.
25. Никонов Н. Г. Указ. соч. С. 181.
26. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 222. Л. 3.
27. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 138. Л. 16.
28. Мы приближали Победу. С. 485.
29. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 222. Л. 22.
30. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 138. Л. 16.
31. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 197. Л. 107.
32. Там же. Л. 1–2.